

Исаков Алексей Александрович

**ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ НЕСТЯЖАТЕЛЬСТВА
И «УЧЁНОГО МОНАШЕСТВА» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:
ЕДИНСТВО И СВОЕОБРАЗИЕ**

Специальность 09.00.03. – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Нижегородский государственный педагогический университет» на кафедре философии

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор
Шапошников Лев Евгеньевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Пушкин Сергей Николаевич

кандидат философских наук, доцент
Треушников Илья Анатольевич

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет»

Защита состоится 26 ноября 2009 года в 15 часов 30 минут на заседании Диссертационного совета по философским наукам Д 212.164.03 при Нижегородском государственном педагогическом университете по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещен на сайте ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»: www.nnspu.ru

Автореферат разослан <23> октября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

 И. А. Федотова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В процессе эволюции философского мировоззрения, сопровождающем любые значительные социальные трансформации, происходят принципиальные изменения представлений о мире и месте человека в нём. Такие явления всегда остро переживаются обществом, поскольку предполагают кризис и деконструкцию устоявшейся картины мира и системы ценностей. Залог успешного преодоления мировоззренческого кризиса – в готовности мыслящих сил социума к новаторству. Но это должно быть такое новаторство, которое не исказило бы своеобразия данной общности и опиралось бы на некую органичную традицию. Современное русское общество находится в поисках пути преодоления поразившего его мировоззренческого кризиса. Поэтому принципиальное значение имеет анализ мировоззренческих процессов аналогичных переломных эпох в отечественной истории.

В данной работе эти процессы исследуются через призму взаимодействия русского средневекового и просветительского мировоззрений. Русское Просвещение рассматривается как новаторская эпоха, в особых формах востребовавшая сложившийся в русском средневековье идейный запас ради сохранения своеобразия национального самосознания. Эту непростую задачу решало «учёное монашество» второй половины XVIII века, стремившееся к синтезу средневекового и просветительского мировоззрений. «Учёные монахи» опирались на идейную традицию русской философской и богословской мысли позднего средневековья, т.е. времени, для которого также был характерен острый мировоззренческий кризис. В русской мысли позднего средневековья аналогичную роль сыграло нестяжательство, преодолевшее мифологические пережитки и сословную ограниченность мышления своего времени, но опиравшееся при этом на восточно-христианскую традицию исихазма. В этом свете сравнение философских идей нестяжателей и «учёных монахов» второй половины XVIII века выглядит наиболее актуальным и репрезентативным.

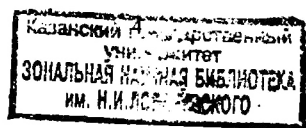
Степень исследованности проблемы. Перед историками русской философии и культуры всегда остро стояла проблема преемственности двух этапов развития отечественной мысли, охватывающих вместе период её становления – с XI

по XVIII век. Первый этап, прошедший под знаменем византийской патристики, казалось бы, отрицается другим этапом – русским Просвещением, ориентированным на секуляризованную или внеконфессиональную религиозную мысль Западной Европы. И только в XIX веке обе традиции выступают явно и одновременно, и в определённом смысле наступает их синтез. Эта стройная триадическая схема таит в себе опасность разрыва связи между философско-богословской мыслью средневековой Руси и секулярной в массе просветительской мыслью петербургского периода. Чтобы избежать этого, необходимо высветить и исследовать такие формы и направления русской просветительской мысли, в которых прежняя, присущая русскому средневековью, традиция сохранялась и развивалась в снятом состоянии.

Однако и здесь существует некоторая трудность. С одной стороны, наиболее логичным выглядит поиск соответствующих форм философствования в наследии того же социального слоя, который лидировал в развитии русской средневековой мысли, т.е. в философско-богословском наследии монашества. С другой стороны, как раз его-то долгое время не было принято включать в рамки просветительской философии, что объяснялось стремлением мерить русское Просвещение меркой французского, в котором атеизм действительно был одной из атрибутивных черт.

Пересмотр такого отношения к культурному наследию русского духовенства стал важной заслугой П.С. Шкуринова, последовательно реализовавшего в своих исследованиях принцип философского плюрализма. Это позволило, наконец, осознать внутреннее богатство т.н. «религиозного крыла российского Просвещения», которое теперь в представлении историков философии включает не только внеконфессиональное масонство, но и в первую очередь – православную философско-богословскую мысль.

Таким образом, перед нами открывается возможность сравнительного анализа наиболее развитых направлений русской средневековой традиции и таких форм религиозно-просветительской мысли, которые сочетали в себе её наследие и собственно просветительские черты.

Как таковая, проблема преемственности мировоззренческих эпох в сознании русского чёрного духовенства ставилась неоднократно, но – в рамках обобщающих трудов, прослеживавших всю историю русской церкви или богословия. Особенно следует отметить историософские выводы таких классиков и современников отечественной мысли, как В.В.Зеньковский, А.В. Карташев, Г.В. Флоровский, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, С.С. Аверинцев, Н.К. Гаврюшин, В.В. Сербиненко, М.А. Маслин, С.С. Хоружий, М.Н. Громов, А.Ф. Замалеев, Л.Е. Шапошников.

Однако применительно к рассматриваемым в диссертации явлениям соответствующие изыскания предпринимались пока только «первооткрывателем» философии «платоновской школы» - П.В. Калитиным. При этом сформулированные им положения не имеют и, наверное, не могут получить однозначной оценки. В связи с этим в данной диссертации делается попытка сопоставления обозначенных явлений в рамках традиционной философской парадигмы.

Историографическая ситуация для этой цели может считаться благоприятной. Наибольшую традицию исследования имеет, разумеется, нестяжательство, которому, начиная с А.С. Архангельского, посвятили свои труды многие философы, историки философии и общественной мысли: А.А. Галактионов, Л.Ф. Никандров, М.Н. Громов, Н.С. Козлов, В.В. Мильков, В.В. Кожин, А.Ф. Замалеев, Ф. фон Лилиенфельд, В.Ф. Пустарнаков, В.А. Бачинин, О.Б. Ионайтис, Е.П. Наделяева, Е.В. Романенко, Т. В. Чумакова и др.

Особое значение имеют источниковедческие работы Я.С. Лурье, Н.А. Казаковой, Г.М. Прохорова, А.И. Плигузова, Л.Е. Морозовой и др.

Философско-богословская мысль «учёного монашества», долгое время недооценивавшаяся даже конфессиональными мыслителями и исследователями, стала предметом анализа П.С. Шкуринова, П.В. Калитина, Н.А. Лебедевой, Е.П. Титкова, А.Ф. Замалеева, А.И. Болдырева, И. Маслова, Н. Павлыка и др.

По методологическим вопросам привлекались работы И. Мейендорфа, А.Н. Чанышева, М.Н. Громова, М.А. Маслина, Л.Е. Шапошникова, С.С. Хоружего, Т.В. Артемьевой, Д.В. Субботина, Н.И. Сазоновой и др.

Объектом сравнительного историко-философского исследования в рамках данной работы выступает философско-богословское и идеологическое наследие нестяжательства рубежа XV-XVI веков с одной стороны, и философско-богословское и общественно-политическое наследие «учёного монашества», персонализированного в лице Платона (Левшина), Дамаскина (Руднева) и Тихона Задонского, с другой. **Предметом** исследования является философско-религиозное мировоззрение русского монашества в его классическом выражении в корпусе нестяжательских памятников и в сочинениях русских иерархов конца XVIII века.

Целью работы является определение идейного содержания нестяжательской традиции и закономерностей её сохранения, трансформации и развития в рамках «учёного монашества».

Система **задач** исследования предполагает:

- 1) выявление значимости нестяжательства как историко-философского явления для развития философской мысли в средневековой Руси;
- 2) экспликацию комплекса собственно философских идей, бытовавших в нестяжательстве, - в первую очередь в сравнении с идеями основополагающей для нестяжательства традиции византийского исихазма;
- 3) оценку идеологического измерения нестяжательства нач. XVI века;
- 4) всесторонний анализ наследия Платона (Левшина), Дамаскина (Руднева) и Тихона Задонского в аспекте выявления идейных комплексов патристического и западного (просветительского и схоластического) происхождения.
- 5) выделение совпадающих проблемных полей философской мысли нестяжательства и «учёного монашества»;
- 6) определение комплекса идей, устойчиво присущего обоим историко-философским явлениям;
- 7) демонстрацию закономерностей влияния просветительской мысли на традиции нестяжательства в философии «учёного монашества».

Гипотеза исследования состоит в том, что между религиозно-философским мировоззрением русского средневекового монашества, выразившемся в нестяжательской доктрине, и религиозно-философским мировоззрением

т.н. «учёного монашества» второй половины XVIII века имеется существенная связь, вызванная их исторической, социальной и интеллектуальной преемственностью; эта существенная связь в то же время носит вариативный характер в силу изменений структуры российского общества, присущих ему форм общественного сознания и социальной роли самого монашества.

Методологическая основа диссертационного исследования определена не только системой задач, но и в первую очередь – особенностями источниковой базы и историографического состояния вопроса. В самом общем плане в основе работы лежит **сравнительно-исторический метод**. В работе с нестяжательскими памятниками во главу угла был поставлен сформулированный М.Н. Громовым принцип «**уникальности первоисточника**». Ориентация на реконструкцию смысла текста вызвала ориентацию на **герменевтический метод** исследования. В то же время необходимо было учесть особенности традиции исследования нестяжательства, в которой это явление рассматривается в синхронном оценочном сравнении с иосифлянством. Этой проблеме соответствует **метод историографического анализа**. Реконструкция философского мировоззрения русских иерархов конца XVIII века имеет во многом иную направленность. Здесь площадкой для реконструкции выступает не текст, а авторское мировоззрение. Причин тому две. Во-первых, такой акцент свойственен самой эпохе Просвещения. Во-вторых, «учёные монахи» являются авторами большого числа разнообразных произведений, каждое из которых в отдельности не даёт полной картины мировоззрения. Особенно это относится к их гомилетическому наследию, вырабатывавшемуся на протяжении многих лет. Общеметодологическую роль играет сформулированное В.В. Зеньковским и поддержанное современными исследователями учение об особенностях русской философии, позволяющее обратить внимание на неинституционализированную философскую мысль, вплетённую в функционирование других форм духовной культуры. Принципиальную важность имеет категориальный аппарат, разработанный Л.Е. Шапошниковым применительно к динамике философско-богословской мысли в православии, позволяющий диалектически оценивать новизну каждого этапа в развитии религиозного мировоззрения, включая его ядро - догматику.

Источниковая база исследования включает корпус оригинальных сочинений Нила Сорского («Большой устав», «Предание», три послания, завешание) в публикации Г.М. Прохорова 2005 г., и составленный старцем «Соборник» в издании Т.П. Лёнигрен 2000-2004 гг. Памятники, отражающие идеологическое изменение нестяжательства (сочинения Вассиана Патрикеева, «Судное дело Вассиана Патрикеева»), рассматриваются исходя из текстологической концепции А.И. Плигузова. Источники, освещающие мысль «учёного монашества» могут быть разбиты на две основные группы. Первая группа – это обширные богословско-философские трактаты, в которых планомерно раскрывается мировоззрение их авторов. Это «Православная богословия» Платона (Левшина), «Об истинном христианстве» и «Сокровище духовное» Тихона Задонского, сюда примыкают краткие методические пособия, выпущенные Дамаскином (Рудневым) для диспутов в МДА. Вторая группа источников – гомилетическое наследие иерархов.

Научная новизна исследования.

1. Впервые в историко-философской науке осуществлено многоаспектное компаративное исследование идейно-философских комплексов нестяжательства и «учёного монашества».

2. Определено значение нестяжательства для генезиса отечественной философии и его место в процессе демифологизации общественного сознания Руси XV-XVI веков.

3. На фоне социокультурной динамики позднего средневековья получил новую оценку идейно-философский комплекс нестяжательства, продемонстрированы новаторские аспекты нестяжательского мировоззрения в версии Нила Сорского, выявлен путь его трансформации в социально-политическую идеологию.

4. Проведена реконструкция и дана новая оценка философских аспектов мировоззрения крупнейших представителей «учёного монашества» - митр. Платона (Левшина), еп. Дамаскина (Руднева), еп. Тихона Задонского.

5. Определены основные пути сохранения и трансформации нестяжательского идейно-философского комплекса в философии «учёного монашества».

6. Показано значение анализируемых идей для последующего развития русской религиозной философской традиции.

Положения, выносимые на защиту.

1. Обосновывается вывод о том, что востребованность идейно-философских комплексов нестяжательства и «учёного монашества» связана с переходным характером эпох, в сознании которых бытовали эти комплексы. Антропология и праксиология нестяжателей, антропологические и этические доктрины «учёных монахов» отражают ситуацию перехода к новым представлениям о месте человека в мире.

2. Установлено, что именно нестяжательство являлось наиболее последовательной стратегией демифологизации общественного сознания и объективно способствовало переходу от религиозно-мифологической к религиозно-философской картине мира.

3. Выявлено новаторское ядро нестяжательской доктрины Нила Сорского, которое заключается в появлении особого диалогического метода философствования, активном отношении к мистической и общехристианской традиции, формировании предпосылок для становления концепции «цельного знания». Исследование идеологического измерения нестяжательства позволило продемонстрировать преждевременность и неадекватность выхода нестяжательской доктрины на уровень общественного влияния, оценить идеологию второго поколения нестяжателей как искажение учения Нила Сорского и проследить путь этой трансформации, связанный с утратой основополагающих особенностей мышления сорского старца.

4. Дана характеристика парадигмальных черт в области метафилософии, гносеологии, социальной философии и этики «учёного монашества», тематически и содержательно отражающих своеобразие эпохи Просвещения. Важнейшие общие черты философии «учёного монашества» - стремление к сотериологической нацеленности философствования, формирование взглядов, вплотную подступающих к концепции «цельного знания», новаторская готовность к широкому мировоззренческому синтезу философских идей средних веков и Нового времени. Наибольшее своеобразие и расхождение доктрин Платона (Левшина), Дамаскина (Руднева) и Тихона Задонского проявляется в пространстве социальной философии.

5. Доказывается, что особенности философии «учёного монашества» соответствуют характерным чертам нестяжательского мировоззрения, предполагая при этом определённую трансформацию. Ориентированность философской мысли нестяжателей на конкретные эсхатологические ожидания позднего средневековья сменяется более абстрактной сотериологической направленностью философствования. Заметное развитие получает характерный для нестяжательства отказ от различения чувственной и рациональной познавательных способностей человека, эволюционирующий в представление об их существенной связи.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Эксплицированная автором линия преемственности идейно-философских комплексов нестяжательства и «учёного монашества» позволяет по-новому взглянуть на связь средневекового и просветительского этапов в развитии отечественной философской мысли, на роль нестяжательства и «учёного монашества» в становлении оригинальной отечественной философской традиции.

В практическом плане результаты исследования могут быть использованы специалистами, изучающими соответствующие периоды развития русской философии и аспекты духовной культуры, а также в разработке соответствующих специальных курсов, курсов философии, культурологии и религиоведения.

Апробация результатов исследования проходила в рамках всероссийских конференций

«Актуальные проблемы истории русской философии и политической мысли», (декабрь 2005 г., Уссурийский ГПИ);

«Русская православная церковь в мировой и отечественной истории» (май 2006, НГПУ);

«Православие в контексте отечественной и мировой литературы» (июнь 2006, АГПИ);

межвузовской конференции «Наука молодых» (декабрь 2008, АГПИ-АФНГТУ);

XIV, XV, XVII, XVIII Православных Рождественских чтений (январь 2005, январь 2006, январь 2008, январь 2009 гг., НГПУ).

Основные результаты исследования представлены в 9 статьях общим объёмом

мом 3,7 п.л., использованы в написании учебного пособия по философии.

Структура работы определяется системой задач и включает две главы, разбитые на три параграфа каждая, введение, заключение и библиографический список источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, даётся характеристика источниковой базы, проводится анализ степени разработанности проблемы, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, даётся характеристика основных методологических принципов исследования.

Первая глава **«Философские аспекты нестяжательства XV-XVI веков»** посвящена выявлению идейного ядра нестяжательского мировоззрения и его значимости для культуры средневековой Руси.

В первом параграфе **«Нестяжательство как историко-философское явление»** нестяжательство рассматривается как специфически монашеская стратегия демифологизации общественного сознания, востребованная русским обществом в процессе перехода от религиозно-мифологического к религиозно-философскому типу сознания. Нестяжательство не было единственной такой стратегией, оно конкурировало в этом с еретическими движениями. Главным фактором победы нестяжательства в исторической перспективе стало то, что оно соответствовало самосознанию русского народа, связывавшему себя с православием, тогда как еретическая стратегия демифологизации грозила потерей идентичности.

Нил Сорский жёстко порывает с пережитками синкретизма в своём мировоззрении и формулирует чёткую дуалистическую картину мира, характерную для зрелой религии. При этом в форме идеала «обожения» ставится проблема отношения сознания к абстрактно понимаемому истинному бытию, сопровождающаяся психологическим и культовым иконоклазмом. Целью философствующего оказывалось установление связи с истинным бытием напрямую из потока становления, для чего нужно было очистить элементы истинного бытия в собственном сознании от образов и понятий предметного мира. Очищение сознания от кон-

кретно-чувственных образов было весьма действенным инструментом демифологизации сознания.

В то же время отказ от понятийного мышления приводил к снижению дискурсивности исихазма, тем более что идеалом исихастов было вообще внедискурсивное знание. Исихазм, хоть и решал важнейшие философские вопросы, включая т.н. «основной», стремился не к дискурсивному, а к практическому их решению. Поэтому и Нил Сорский не столько обосновывает определенную картину мира, сколько разрабатывает соответствующий ей способ человеческой деятельности. С этой точки зрения учение Нила можно было бы назвать своеобразной философской праксиологией.

В итоге нестяжательство само по себе оказало двойственное влияние на развитие философского сознания на Руси. Оно явно ускорило и облекло в свои формы переход от религиозно-мифологического к религиозно-философскому сознанию, но при этом своим стремлением к внедискурсивности вызвало осознание необходимости активного освоения достижений иных философских традиций.

Однако историографическая ситуация вокруг нестяжательства такова, что в подавляющем большинстве работ оно рассматривается в рамках антагонистического или же антиномического противостояния с другим явлением русской мысли той поры – иосифлянством. Такой подход несколько обедняет феномен нестяжательства, но он оправдан, т.к. позволяет осветить место нестяжательства в исторической перспективе. В историографии можно выделить два ключевых подхода к проблеме - антагонистический, при котором иосифлянство и нестяжательство взаимно отрицают друг друга, и антиномический, при котором демонстрируется общность их происхождения и проясняется природа различий. Автор разделяет антиномический подход и соответствующую ему историософскую оценку. Её смысл в том, что церковь благодаря нестяжательству сохранила в себе потенции раннего христианства, причём не в инверсированном, как это было в реформационных движениях, виде, а государство удерживалось как от поглощения церкви, так и от поглощения церковью. Тем самым в русской культуре было сохранено сильное несекуляризованное начало, ставшее основой её уникальности.

Во втором параграфе «Философские идеи «Устава» Нила Сорского» осуществляется реконструкция философских аспектов содержания основного памятника нестяжательской традиции.

Философские идеи «Устава» систематизируются с помощью триадического представления о процессе монашеского подвига, включающего как первый, отрицаемый последующими, этап негативные состояния сознания («страсть»), в качестве второго – непрерывную борьбу с ними («праксис», «делание»), в качестве третьего и высшего – состояние «обожения» («теорейя», «видение»).

Учение о негативных состояниях сознания в «Уставе» основывается на принципах неразрывности сознания и его содержания; преобладания негативного компонента содержания сознания в силу «повреждённости» природы человека после грехопадения; признания мышления уязвимой открытостью логосной природы человека; признания воли главным средством как обретения негативных состояний сознания, так и противостояния им; стремления к обретению сверхчувственного и сверхрационального содержания сознания, соответствующего его сущностной природе; разделения сознания на две сферы, одна из которых обращена к предметному миру, а другая, через действие молитвы, – к истинному бытию.

Учение о должном состоянии сознания предполагает, что в основе должного состояния сознания лежит практика непрерывной молитвы, соединённая с рядом психофизических техник (удержание дыхания). Благодаря этой практике возможно достижение таких состояний, как «безмолвие ума» и «слёзное видение», которые близко подходят к предельно достижимому состоянию «видения», но являются произвольными, даруемыми свыше. Практика непрерывной молитвы требует специфической подготовки и условий, определяющих особые отношения скита и киновии, а также сам скитский типикон.

Учение о предельно достижимом состоянии сознания в «Уставе» включает следующий комплекс идей. «Видение» означает онтологический скачок, изменение места человека в иерархии сущего. Оно предполагает антиномическое сочетание произвольности и непроизвольности, обусловленное характером синергии и её различным проявлением в феноменальном и ноуменальном бытии. «Виде-

ние» возлагает на монашествующего высокую ответственность, ни в коем случае не завершает борьбы и не может рассматриваться как бегство из мира.

В итоге определяются четыре важнейшие особенности нестяжательского мировоззрения, повлиявшие, на наш взгляд, на пути дальнейшего развития отечественной философской мысли. Во-первых, в сочинениях Нила происходит отказ от риторического стиля мышления и аргументации, при котором текст возвышался над читателем/слушателем. Во-вторых, следует отметить диалогический характер мировоззрения сорского старца, отразившийся в его методологии и лёгший в основу герменевтического метода восприятия традиции исихазма. В-третьих, весьма важным представляется активное отношение к традиции, при котором Нил не следует полностью ни одному из сложившихся в ней учений, перерабатывая их в процессе диалога. Активное отношение к традиции в перспективе можно рассматривать как зародыш стремления к оригинальному патристическому синтезу, развившемуся в русской религиозно-философской мысли с конца XVIII века. В-четвёртых, в мировоззрении Нила складываются предпосылки концепции цельного знания, пока – в форме отказа от аналитического различения конкретно-чувственной и абстрактно-мысленной познавательных способностей человека в пользу преимущественного осмысления бытийного (Св. Писание) и особенно событийного (мистический опыт) Откровения и их диалога.

В третьем параграфе **«Нестяжательство XV – XVI веков как общественно-политическая идеология»** рассматривается эволюция идеологического изменения нестяжательства. Автор показывает, что идеологию Нила Сорского можно охарактеризовать как чисто монашескую. Её инвективы отвечали насущным проблемам именно чёрного духовенства. Среди этих проблем можно выделить следующие: на какую традицию монашеского жителства опираться? какой тип монастыря предпочесть? как относиться к экономической деятельности монастыря? как относиться к заупокойно-поминальному культу? участвовать ли в религиозно-политической борьбе? и т.п. Нил не давал на эти вопросы исчерпывающих ответов, и его взгляды приобрели некоторую полифонию. Оказалось возможным различным образом их истолковать и приспособить к нуждам иных социальных групп. Одним из источников формирования идеологического измерения

нестяжательства стал универсальный статус человека в исихазме, который мог соотноситься современниками с идеей естественного права.

Развитие нестяжательской идеологии связано со вступлением нестяжателей в политическую борьбу по вопросам церковно-монастырского землевладения, что потребовало формирования однозначных идеологических инвектив. Первая попытка была предпринята (наиболее вероятно) Германом Подольным, написавшим «Ответ на послание Иосифа Волоцкого И.И.Третьякову», в котором впервые были сформулированы чисто политические идеи, мало приемлемые, однако, для основных субъектов политического процесса тех лет – великого и удельных князей – в силу своей противоречивости. В дальнейшем развитие идеологического измерения нестяжательства было связано с деятельностью Вассиана Патрикеева. Вассиан в своей работе применил новые методы, в т.ч. близкие по форме герменевтике Нила Сорского, но при этом остался на уровне прецедентного дискурса, утратив такие важнейшие особенности стиля мышления своего учителя, как антиномизм и диалогизм. Его идеологическая программа постоянно менялась в сторону ослабления исходных инвектив, что в итоге предопределило гибель самого Вассиана. К середине XVI века нестяжательская идеология была анонимным образом трансформирована в достаточно радикальную («Прение с Иосифом»), оказалась лишённой конкретного носителя и востребованной даже еретиками.

Вторая глава «Философия «ученого монашества» второй половины XVIII века» посвящена анализу философских аспектов мировоззрения митр. Платона (Левшина), еп. Дамаскина (Руднева) и еп. Тихона Задонского на предмет выделения средневекового и просвещенческого, русско-византийского и западно-европейского комплексов идей.

В первом параграфе **«Философские взгляды митрополита Платона (П.Е. Левшина)»** автор показывает, что общие подходы Платона (Левшина) к определению «истинной философии», обнаруживают важные точки соприкосновения с исихастско-нестяжательской традицией русского философствования. Это проявляется в сотериологической направленности философствования митрополита, представлении о возможности обожения или личного откровения мистического

плана, обеспечивающего познание истины. В условиях необходимо общего понимания задач философии, преемственно решается проблема метода, который представляется как «умное зрение», соединяющее в себе чистое умозрение и деятельностный компонент. Соответственно этому методу определяется основная форма философского движения – старчество. Явная преемственность в ответах на такие вопросы как «зачем?», «как?» и «кто философствует?» позволяет сделать вывод, что Платон (Левшин) основывался не столько на западной, сколько на византийско-русской традиции. Причем традиция эта была не просто пересажена на новую почву, но творчески переработана в соответствии с тогдашним уровнем философской мысли Европы.

В онтологии митрополита Платона огромную роль играет человек. Именно он является носителем главного закона тварного универсума – закона свободы. Доказательства бытия Бога у святителя также носят преимущественно антропологический, а не космологический характер. Сама антропология Левшина антиномична. Существо человека мыслится как единство двух противоположных, но единых и равно необходимых друг другу составляющих. Причем это единство рассматривается не статически, а в процессе деятельности, имеющей сотериологическую значимость. Борьба души и тела полагается основным содержанием человеческого бытия (внутренний крест). Важно, что ни одна из составляющих этой антиномии не оценивается Платоном отрицательно, но напротив – выявляются возможности их синергичной деятельности на пути спасения. Понятие о греховности человеческой природы отрывается у Левшина от какого-то конкретного носителя и оказывается укорененным во временной системе связей души и тела, тем самым сама греховность становится временным явлением. В целом бытие человека понимается святителем как человеческая деятельность, свободно осуществляемая во времени, или осуществляемое во времени непринужденное со-работничество богу. Однако антропология митрополита Платона не лишена своих слабых мест, важнейшим из которых стал отказ от исихастской категории «энергий». Это привело к развитию в направлении идей Экхарта и даже частичному нарушению антиномии души и тела.

Понимание Платоном (Левшиным) вопросов общественного устройства синтезировало два подхода – византийско-русский эсхатологический и просвещенческий гуманистический – при сохранении приоритета первого. Общество рассматривалось им в антиномическом единстве с церковью, что позволяло говорить о сотериологической ориентации гражданской жизни и гуманистической – церковной. Представления о власти государя также органично объединили эсхатологическую ответственность и договорное, человеческое происхождение этого института. Такой синтез позволял разносторонне – с помощью как философских, так и богословских аргументов – обосновать социальную ответственность на всех уровнях ее проявления.

Во втором параграфе «**Философские идеи епископа Дамаскина (Д.Е. Семенова-Руднева)**» в первую очередь даётся характеристика философского метода еп. Дамаскина. Его главный принцип – преодоление мировоззренческих противоречий с помощью антиномической логики на базе христианского мировоззрения. В то же время епископ не сводил все философские проблемы к теологическим и стремился дать их ответственное решение в рамках того среза действительности, в котором эти проблемы возникали. Этот аспект делает методологию Дамаскина уникальной в рамках философии «ученого монашества». В общепhilosophическом плане методология мыслителя проявилась в стремлении к преодолению контрверсы рационализм-сенсуализм, в чём пересеклись традиции, идущие от аристотелизма, исихазма и вольфианства.

Для епископа Дамаскина характерно признание приоритета этики перед другими отраслями философского знания, что находит соответствие как в христианском мировоззрении, так и в вольфианстве. В своей этически ориентированной социальной философии Дамаскин исходил из современных ему научно-философских представлений о человеке, среди которых можно встретить и идею «человека-машины», и тезис о биологической неприспособленности человека. Человек для Дамаскина в первую очередь – член общества, гражданин, а его главное свойство – интеллектуальная мирооткрытость, которая достигается путём просвещения.

Святитель считал именно просвещение важнейшим источником развития общества, критикуя принципы географического детерминизма. На этом основании он фактически потребовал в своих проповедях просвещения всего русского народа. Однако просвещение должно быть жёстко связано с существующим в обществе порядком, в первую очередь, за счёт своего религиозного компонента, и в итоге оказывается скорее охранительным институтом. Охранительной роли просвещения соответствует представление о недопущении процессов социальной самоорганизации. В отличие от Платона (Левшина), епископ Дамаскин не прописывает механизмов ответственности власти, что делает его концепцию несколько однобокой.

В третьем параграфе «Философские аспекты «живого богословия» Тихона Задонского» в первую очередь разбирается иероглифический (аллегорический) метод философствования святителя, находящий соответствие как в иосифлянской, так и в мистической традиции. Он основан на принципе свободного познания с помощью веры, который востребует и принцип превосходства веры над знанием. Условия XVIII столетия привели Тихона к трём важнейшим модификациям средневековой традиции: были разграничены сферы компетенции веры и разума, при сохранении приоритета веры; произошла этизация категорий мышления мистической философии; отношения человека и Бога стали пониматься не в онтологическом, а в экзистенциальном ключе.

Особенность взглядов епископа Тихона проявляется и в нехарактерном для средневековой мистики противопоставлении сердца и разума, которое могло быть продиктовано одной из важнейших оппозиций европейской просвещенческой культуры XVII-XVIII вв. «разум-чувство», не в сенсуалистском, а в сентименталистском понимании этой антитезы. Тем самым категория «сердце» сужалась до своего эмоционального аспекта, а разум, как видно из приведённой в примечании цитаты, утрачивал свою деятельностную, активную природу.

Однако социально-этические взгляды еп. Тихона оказались не на высоте его метода. Это проявилось в том, что общество представлялось ему чисто «духовным» феноменом, исторические формы развития общества мыслились как преходящие и не заслуживающие анализа, а социальное неравенство приравнива-

лось ко всем остальным формам социального зла (старость, болезни) и специально не анализировалось.

Основные выводы диссертационного исследования отражены в **заключении**.

Нестяжательство стало наиболее эффективной стратегией демифологизации общественного сознания, поставив на первое место практическую антропологию, нацеленную на преобразование человека. В целом нестяжательство Нила Сорского укладывается в рамки «православного возрождения», но большее значение оно имеет для последующего развития русской мысли.

Комплекс нестяжательских идей «самовозродился» во время первых шагов по пути раскрепощения русского общества – во второй половине XVIII века. Решающая заслуга в этом принадлежит т.н. «платоновской школе» - наиболее яркому явлению в рамках «учёного монашества». Мировоззрение «учёного монашества» было, без всякого сомнения, синтетическим. В рамках этого синтеза идеи, характерные для нестяжательского наследия, изменялись и преломлялись применительно к условиям «века Просвещения».

Переработка «учёными монахами» нестяжательского мировоззрения имеет ряд особенностей. В отличие от сословно замкнутого нестяжательства, сознание «учёного монашества» приобрело внесловный характер и смогло претендовать на роль мировоззрения большей части современного ему русского общества. По сравнению с нестяжательством снизилась мистическая составляющая антропологических представлений, - в пользу экзистенциальной составляющей.

Черты преемственности можно усмотреть в общих для «учёного монашества» и нестяжательства стремлении к оригинальному философско-богословскому синтезу, онтологизации теории познания в форме «теории цельного знания», последовательном эсхатологическом антропологизме, ориентации на диалогический метод философствования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

**Статьи в изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки РФ**

1. Исаков, А.А. Эволюция общественного сознания Средневековой Руси и философские идеи в нестяжательстве / А.А.Исаков // Вестник Чувашского Университета. Гуманитарные науки. – № 4. - 2007. – С. 91-96. 0,5 п.л.

Статьи в других изданиях

2. Исаков, А.А. «Неповрежденная философия» митрополита Платона (Левшина) и традиции русского средневекового любомудрия / А.А. Исаков // Российская система ценностей. Материалы XIV-ой конференции «Православные Рождественские чтения». - Н.Новгород: НГПУ, 2005. С. 356-361. 0,4 п.л.

3. Исаков, А.А. Антропологические воззрения П.Е.Левшина / А.А. Исаков // Актуальные проблемы развития отечественной истории, философии и политической мысли. - Уссурийск: УГПИ, 2005. С. 34-45. 0,5 п.л.

4. Исаков, А.А. «Ученое монашество» и социальная философия века Просвещения / А.А.Исаков // Православие и гуманитарное знание. Материалы XV-ой научно-практической конференции «Православные Рождественские чтения». - Н.Новгород: НГПУ, 2006. С. 322-327. 0,4 п.л.

5. Исаков, А.А. «Ученое монашество»: русско-византийская традиция в российском Просвещении / А.А.Исаков // Перспектива 5. Межвузовский сборник научных трудов молодых ученых / АГПИ им. А.П.Гайдара. - Арзамас: АГПИ, 2006. С. 119-123. 0,4 п.л.

6. Исаков, А.А. Византийская и западноевропейская мистические традиции в философской мысли «ученого монашества»: к постановке проблемы / А.А. Исаков // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: Сборник статей/Под. ред. Г.А.Пучковой. – Арзамас: АГПИ, 2006. С. 103-107. 0,4 п.л.

7. Исаков, А.А. Преемственность традиции в истории раннего нестяжательства (мировоззренческий аспект) / А.А.Исаков // Материалы всероссийской конференции «Русская православная церковь в мировой и отечественной истории». - Н.Новгород: НГПУ, 2006. С. 286-290. 0,4 п.л.

8. Исаков, А.А. Семейные ценности в «последние времена» (на примере Византии и Руси XIV – XV вв.) / А.А.Исаков // Семья и семейные ценности в Православии. Материалы XVII-ой научно-практической конференции «Православные Рождественские чтения». - Н.Новгород: НГПУ, 2008.С. 322-328. 0,4 п.л.

9. Исаков, А.А. Правосознание в контексте богословско-философской и общественно-политической мысли Московской Руси / А.А. Исаков // О достоинстве, правах и свободах человека: Материалы XVIII-ой научно-практической конференции «Православные Рождественские чтения». - Н.Новгород: НГПУ, 2009.С. 447-452. 0,4 п.л.

Подписано в печать 21.10.09 Печать оперативная
Формат 60х84/16 Усл. печ. л. 1,0 Тираж 100 экз. Заказ № 56/9

Участок оперативной печати АГПИ
607220, г. Арзамас, Нижегородская обл., ул. К.Маркса, 36

